

Стемнело и представление в саду уже давно началось, когда Чэн Фэнтай решил провести Чан Чжисиня с супругой по дому, рассказывая на ходу:

— Этот дом — бывшая резиденция великого князя [1] Жуя. Фань Лянь знает, что я не слишком люблю традиционные китайские дома — в них плохое освещение и холодно — однако этот дом пришёлся по нраву второй госпоже, так что пришлось приобрести его, сколько бы он ни стоил. Знаешь, двоюродный братец, во сколько он мне обошёлся? Как услышишь, сердце прихватит! Этого с лихвой хватило бы, чтобы построить новый точно такой же! А видишь тот колодец? Говорят, что в год гэнцзы [2] супруга князя Жуя утопилась именно в таком. Я пугаю этим детей, когда они не слушаются, ха-ха...

[1] Великий князь 親王 (qīnwáng) — циньван — один из высших официальных титулов при династии Цинь.

[2] Год гэнцзы — Год белой мыши — циклически повторяется раз в 60 лет, в данном случае — 1900 г., в это время происходило Восстания ихэтуаней (боксёров) (1898-1901 гг.).

С улыбкой слушая его, Чан Чжисинь тихо спросил у Фань Ляня:

— Он всегда такой?

Чувствуя, что сегодня его старший зять ещё невыносимее, чем обычно, тот ответил:

— Нет, не всегда. Он просто хочет произвести на тебя впечатление.

— Интересный он человек, — рассмеялся Чан Чжисинь.

— Да уж, весьма интересный, даже слишком. Обычным людям не по силам выдержать его интересное отношение, — горько усмехнулся Фань Лянь. Устремившись вперёд, он крепко ухватился за Чэн Фэнтая. — Зятёк, хватит уже. Старший двоюродный брат собирается пожить в Бэйпине ещё некоторое время, так что, может, ты как-нибудь в другой раз покажешь ему дом? А то ты бросил своих гостей во дворе — разве это годится?

Однако Чэн Фэнтай так увлёкся, что лишь отмахнулся от него:

— Да им плевать — гостям лишь бы поесть, попить да повеселиться вволю, зачем я им там? Или хочешь, чтобы я им чай подавал и воду подносил? — Внезапно остановившись, он переменился в лице и, резко обернувшись, хлопнул в ладоши:

— Дело дрянное! Совсем забыл, что тут ещё и мой старший зять! Двоюродный братец...

— Старший зять, я сам проведу двоюродного брата, а ты беги скорее — не вынуждай главнокомандующего Цао тебя расстреливать! — помахал ему Фань Лянь.

Хотя до смертоубийства ещё не дошло, на лице главнокомандующего Цао в самом деле сгустились тучи: всё-таки минуло уже больше получаса, а Чэн Фэнтай всё не показывался, да и Шан Сижуй ещё не вышел, к тому же не было рядом с ним красавицы, которая умасливала бы его лестью — его супруга Чэн Мэйсинь была не в счёт. Когда ещё главнокомандующий подвергался столь пренебрежительному отношению? Он уже несколько раз порывался встать и уйти, но жена всякий раз усаживала его на место, уговаривая:

— Дорогой, Эдвина наверняка отвлекло какое-то дело! Подожди ещё немного, вот-вот подадут обед! А потом сможешь наказать его двумя штрафными чарочками!

Когда она произнесла это уже в пятый раз, наконец явился заискивающе улыбающийся Чэн Фэнтай. Главнокомандующий Цао бросил на него гневный взгляд [3] и холодно хмыкнул.

[3] Гневный — в оригинале 垂头怒目 (chuí húzi nùgǎn) — в пер. с кит. «встопорщить усы и выпучить глаза», обр. в знач. «вылупить глаза от злости; разъярённый вид; пылать бешенством; сделать сердитое лицо; злобно зыркать».

— Старший зять гневаётся? — с улыбкой обратился к нему Чэн Фэнтай. — Не надо сердиться! Ко мне пожаловали только что прибывшие в Бэйпин родственники, и я был занят, принимая их.

— Сяо Фэн-эр, лживый ты ублюдок! Они, выходит, твои родственники, а этот старик, что же — нет? Твою ж мать!

Чэн Фэнтай, мать которого только что помянул главнокомандующий Цао, даже в лице не переменился. Пытаясь подольститься, он взял гость фундука и принялся его чистить. Главнокомандующий хотел было сказать ему, чтобы он прекратил — ведь в противном случае этого старика ещё полдня будут мучить газы — однако против всех ожиданий Чэн Фэнтай внезапно отправил все очищенные орехи пряником себе в рот. При виде этого главнокомандующий Цао рассердился и развеселился одновременно — смеясь, он принялся бранить на все корки матушку и бабушку этого сукина сына, однако Чэн Фэнтай по-прежнему лучезарно улыбался, не принимая его ругань близко к сердцу.

На самом деле главнокомандующий Цао вовсе не гневался на Чэн Фэнтая, ведь по характеру они были схожи, так что он любил своего младшего шурина больше, чем родного сына. Чэн Фэнтай и подавно на него не сердился, потому что воспринимал главнокомандующего как представителя старшего поколения — безрассудно храброго покровителя, который к тому же позволяет водить себя за нос — а потому не обращал внимания на его подначки.

Перегнувшись через мужа, Чэн Мэйсинь шёпотом спросила:

— Что за родственники к нам пожаловали? Разве второй дядя и младшая госпожа сейчас не в Англии?

— Они не с нашей стороны — это родственники второй госпожи, её старший двоюродный брат с женой... — Сказав это, Чэн Фэнтай тут же указал подбородком в сторону: — А вот и Чан Чжисинь и Цзян Мэнпин из Пинъяна!

Проследив за его взглядом, Чэн Мэйсинь и сама увидела эту прекрасную пару [4] рядом с Фань Лянем. Она в какой-то степени была очевидцем тех событий в Пинъяне, а потому досконально знала всю их историю. Окинув Чан Чжисиня заинтересованным взглядом, Чэн Мэйсинь заключила, что он весьма привлекателен — ничего удивительного, что он нравится женщинам. В сравнении с ним Шан Сижуй был юнцом с душой ребёнка, да к тому же ещё сумасшедшим и неуправляемым — какая же женщина такого выберет?

При мысли о сокрушительном поражении [5], которое потерпел Шан Сижуй, Чэн Мэйсинь удовлетворённо улыбнулась, однако не успела она как следует насладиться этим чувством, как ей в голову пришла мысль чрезвычайной важности.

[4] Прекрасная пара — в оригинале чэньюй 郎才女貌 (lángcái nǚmào) — в пер. с кит. «молодой — талантлив, молодая — прекрасна».

[5] Сокрушительное поражение — в оригинале два чэньюя:

落花流水 (luòhuā liúshuǐ) — в пер. с кит. «оппадают цветы, утекает вода», обр. в знач. «полностью, вдребезги, в пух и прах (разбитый)»;

一败涂地 (yībài túdì) — в пер. с кит. «потерпеть поражение и быть разбрызганным по грязи», обр. в знач. «быть втоптаным в грязь».

— Чтоб ты сдох! — в ужасе воскликнула она, резко развернувшись к Чэн Фэнтаю. — Тут же Шан Сижуй, а ты посмел их принять! Смерти ищешь?!

Чэн Фэнтай обомлел — он не мог взять в толк, что послужило причиной этой внезапной вспышки гнева.

— ...Но здесь же столько людей — не может же он?..

— Ты не знаешь, каков Шан Сижуй, а я полгода жила с ним под одной крышей, так что я-то отлично уяснила, что он за человек! — ответила Чэн Мэйсинь, бросив мимолётный взгляд на главнокомандующего Цао — того раздражало, когда женщины за его спиной перемывали другим косточки, так что ей пришлось ограничиться фразой: — У него дурной нрав! Прямотаки дикий! — Однако этого Чэн Мэйсинь показалось недостаточно, чтобы обрисовать натуру Шан Сижую, а потому некоторое время спустя она всё же, не удержавшись, добавила: — Если он пожелает учинить какое-нибудь сумасбродство, то ему будет не важно, сколько здесь у тебя собралось гостей, насколько они влиятельны и какими будут последствия. Он только о себе и думает — ему лишь бы отыграться!

— Разве? — улыбнулся Чэн Фэнтай, поедая закуски. — А на мой взгляд он весьма славный — он же просто беззаботное дитя, а вовсе не такой безумец, каким ты его рисуешь.

Поняв, что тот всё равно ей не поверит, Чэн Мэйсинь тяжело вздохнула и произнесла сквозь зубы:

— погоди, скоро сам убедишься.

Тем временем беззаботное дитя Шан Сижуй напевал под нос слова пьесы, придирчиво разглядывая себя в зеркале. Для этого представления он достал лучший головной убор и костюм с самого дна своих сундуков, что показывало, насколько он сильно хотел угодить Чэн Фэнтаю.

Взглянув на часы, Шан Сижуй причмокнул губами:

— Сяо Лай! Я пить хочу!

Вздогнув, девушка принесла ему воды.

— Дурочка! — со смехом упрекнул её Шан Сижуй. — Как же я буду пить, не испортив грим? Принеси соломинку!

Оцепенев на мгновение, Сяо Лай кивнула с коротким: «А!», — после чего вытащила из чайной корзинки соломинку и сунула её в чашку. Ленивейшим из жестов Шан Сижуй опустил голову и сделал пару глотков из рук служанки; при этом он заметил, что чашка так дрожит в её руках, что по поверхности воды идёт рябь. Взглянув в лицо девушки, он увидел, что щёки её залились краской, а лицо покрылось испариной, и не удержался от насмешки:

— Девочка, ты, следуя за мной, повидала и императора, и генералов. Хоть это и княжеская резиденция, однако живёт здесь отнюдь не князь — чего ж ты трясешься?

— Я не... — потупилась Сяо Лай.

Шан Сижуй допил воду, пропев под нос ещё пару строк, и, словно рядом никого больше не было, изобразил перед зеркалом изящный жест, чувствуя себя будто опьянённым.

— Шан-лаобань, нам сегодня нельзя выступать! — внезапно выпалила Сяо Лай, закусив губу.

— Что за вздор? Всё, вроде, в порядке, отчего же нельзя выступать? Что с тобой такое творится? — Шан Сижуй ущипнул её за руку. — Тебе нездоровится?

Сяо Лай отрицательно покачала головой, и, пересилив себя, отвернулась, отойдя на пару шагов. Вскоре Шан Сижуй через отражение в зеркале увидел, как она, отодвинув занавес, выглянула в зал и тут же нахмурилась. У девушки был такой испуганный вид, будто в зале сидел огромный тигр.

Неслышно приблизившись к ней, Шан Сижуй хлопнул её плечу:

— На что это ты там смотришь?

Сяо Лай невольно вскрикнула и обернулась, побледнев, словно увидела призрака. Тогда Шан Сижуй подумал, что тут что-то и впрямь не так, и, подойдя к ней, тоже отодвинул занавес, чтобы осмотреть зал. Там он с первого взгляда заметил Чэн Фэнтая, который тут же подмигнул ему, и Шан Сижуй не удержался от смешка. Рядом со вторым господином восседали главнокомандующий Цао и Чэн Мэйсинь. Шан Сижуй собирался вскоре выйти на сцену, но тут он заметил, что при виде него Чэн Мэйсинь, смирив вспышку гнева, выдавила улыбку; при этом она встревоженно посмотрела куда-то в сторону — что-то явно отвлекало её внимание. Проследив за направлением её взгляда, актёр тут же замер на месте.

Раздался бой барабана, но главный герой не появился на сцене. Актёр второго плана тихо окликнул Шан Сижую, но душа того словно витала в иных сферах [6]: он будто не слышал звуков барабана и не обращал внимания на то, что происходит вокруг.

...Столько лет они жили за тридевять земель друг от друга [7] — мог ли он подумать, что встретится с ней сегодня?

[6] Душа словно витала в иных сферах — в оригинале чэньюй 魂飛天外 (húnfēitiānwài) — в пер. с кит. «душа улетела за пределы неба», обр. также в знач. «сильно перепугаться, душа от страха отлетела».

[7] Жили за тридевять земель друг от друга — в оригинале чэньюй 天涯海角 (tiānyáhǎijiǎo) — в пер. с кит. «на краю небес и в [дальнем] уголке моря», обр. также в знач. «на краю света», «куда ворон костей не заносит».

Шан Сижуй ощутил, как в его мозгу будто вскипела жгучая лава; поднимаясь, она наполняла его голову мучительным гулом. У него подкосились ноги, так что он был вынужден ухватиться за дверную притолоку, пока не пришёл в себя.

Она выглядела довольной жизнью, была хорошо одета и лучилась здоровьем и свежестью — вылитая молодая госпожа из влиятельной семьи, она сидела в зале, готовясь смотреть его выступление. А ведь когда-то они стояли на сцене бок о бок, деля все радости и горести — то было куда более счастливое время — и куда более весёлое. А потом она ушла и оставила сцену — так что Шан Сижуй остался один на сцене — одинокий в целом мире.

Они больше не были равными — теперь она не пела вместе с ним, а лишь слушала его.

Снова крепко встав на ноги, Шан Сижуй подумал: «Хорошо же, сейчас я тебе спою!»

Увидев Цзян Мэнпин в зале, Сяо Лай перепугалась так, что у неё чуть душа не отлетела — она сразу поняла, что добром это дело не кончится.

— Шан-лаобань! — со слезами взмолилась она. — Не надо! Давайте не будем выступать!

Шан Сижуй с силой оттолкнул её руку, откинул занавес и вышел на сцену. Замерев на месте, он уставил на Цзян Мэнпин неподвижный взгляд, в котором полыхал неземной огонь. Шан Сижуй обладал большими выразительными глазами, редкими среди мужчин, и вот теперь в этих «глазах красавицы» [8] пылала ненависть, обращённая на одного человека. Чэн Фэнтай взглянул на актёра снизу вверх — казалось, блеск его глаз был способен пронзать насквозь, свирепость его взгляда вызывала почти физическую боль — подобно гневному ваджре [9] у входа в буддийский храм, он повергал в подлинный ужас.

[8] Глаза красавицы — в оригинале 杏眼 (xìngyǎn) — в букв. пер. с кит. «абрикосовые глаза», обр. в знач. «глаза, по форме напоминающие абрикосовую косточку» или «большие круглые глаза красавицы».

[9] Гневный ваджра у входа в храм — в оригинале чэньюй 狰狞 jīngāng nǐmù) — в пер. с кит. «[как алмазы] сверкающие гневом глаза», обр. в знач. «злое (сердитое) выражение лица; яростный (гневный, страшный) вид».

Подробнее см. в примечаниях в конце главы.

Шан Сижуй отчего-то медлил, так что хуцинь и барабаны также умолкли — тут-то зрители заметили, что творится что-то неладное.

В наступившей тишине Шан Сижуй внезапно грозно запел во весь голос:

— Не думай даже гуляку низкого о милости просить! Как выйдешь замуж в его семью, он может вышвырнуть тебя, не пройдёт и полгода. А ты не осмелишься воспрепятствовать его побоям, из-за которых будешь слёзы лить! Когда лодка достигла середины реки, поздно в ней дыры латать, потом никого не вини. Так что подумай дважды, чтобы не сожалеть об этом впредь. Это мой последний тебе совет — не делай этого! В один прекрасный день я буду готова выручить тебя, ты тоже будь наготове! [10]

Чэн Фэнтай почувствовал, что что-то здесь не так: «Что это за пьеса? Не похоже, что она подходит для праздника...» В этот момент он услышал позади звук отодвигаемой мебели. Цзян Мэнпин, дрожа всем телом, поднялась на ноги, опрокинув стул — она будто увидела что-то жуткое, что заставило её в ужасе отпрянуть.

Четыре года спустя она также с первого же взгляда узнала Шан Сижую — ведь она сама учила его накладывать грим, как же она могла не узнать его. Очевидно, он всё ещё не забыл старые обиды — его ненависть до такой степени въелась в кости, что он даже позабыл о своём долге перед зрителями. В тот год в Пинъяне своим преследованием он загнал Цзян Мэнпин в угол [11] — она безвозвратно потеряла лицо, каждый встречный стремился плюнуть в неё с Чан Чжисинем, считая её изменницей. Кто бы мог подумать, что некогда она, отказывая себе во всём, вырастила Шан Сижую, как младшего брата, заботилась о нём, защищала ото всех и баловала — а теперь выходит, что она взрастила вожака волков, который не успокоится, пока не сожрёт её!

[10] Слова из пьесы «О том, как Чжао Паньэр, играя в любовь, спасает падшую» 折腰救美人 (Zhàoràn'er fēngyuè jiù fēngchén), написанной Гуань Ханьцином (1234-1300), одним из четырёх великих юаньских драматургов в жанре цзацзюй.

Подробнее см. в примечаниях в конце главы.

[11] Загнал в угол — в оригинале чэньюй 窮途 (qíú sǐ bù dé), отсылающий к идиоме 欲生不能 (qíú shēng bù néng, qíú sǐ bù dé) — в пер. с кит. «хочется жить, но не выжить, хочется умереть — тоже никак», обр. в знач. «находиться в очень мучительном положении».

Эти горестные пинъянские воспоминания тут же воскресли в сердце Цзян Мэнпин, и она в панике продолжала пятиться, желая скрыться; при этом она не разбирала дороги, уже всполошив нескольких гостей. Чан Чжисинь тут же поспешил к ней и, заключив в объятия, мягким голосом принялся успокаивать жену.

Стоящий на сцене Шан Сижуй указал на них пальцем:

— Можно войти в дом как жена, а можно сбежать, став наложницей! Родного дома за это ты не преступишь порог!

Смысл этой фразы, в отличие от других, дошёл до Чэн Фэнтая.

— Ох ты! — воскликнул главнокомандующий Цао. — «Скакун возле ограды» [12]! А Сяо Жуй-эр и в амплу лаошэна отменно поёт!

[12] «Скакун возле ограды» 牆頭馬 (qiáng tóu mǎ shàng), «На к другие названия — «На скакуне возле ограды», «Всадник у стены» — комическая пьеса Бо Пу (1226-1306), одного из четырёх великих юаньских драматургов в жанре цзацзюй, в которой рассматривается вопрос о свободе молодёжи в выборе спутника жизни.

Подробнее см. в примечаниях в конце главы.

Зажав уши, Цзян Мэнпин принялась мотать головой из стороны в сторону, по её лицу катились крупные слёзы.

— Чжисинь, я не могу тут оставаться! — всхлипывала она. — Давай вернёмся! Вернёмся поскорее!

У Чан Чжисиня от этого зрелища невыносимо сжалось сердце.

— Хорошо, хорошо, сейчас уйдём. Фань Лянь, отвези нас!

Эти трое у ворот во двор производили слишком много шума. Наконец главнокомандующий Цао не выдержал: внезапно поднявшись с места, он вытащил пистолет из-за пояса и выстрелил в

небо, а затем направил дуло напрямиком на Фань Ляня с супругами.

У Чэн Фэнтая от ужаса краска отхлынула от лица. Вскочив на ноги, он попытался отнять пистолет у главнокомандующего:

— Старший зять! Не надо!!!

Оттолкнув его, главнокомандующий Цао наставил дуло на Цзян Мэнпин:

— Сегодня счастливый день моего племянника, чего ревёшь, женщина? Ты же, мать твою, неудачу накличешь! А ну всем сесть! Никому не позволено уходить! — С этими словами он качнул пистолетом, и, подчиняясь этому жесту, солдаты с винтовками тут же встали на страже ворот.

Главнокомандующий Цао был всемогущим деспотом Северо-Запада: пока в Бэйпине размещаются войска, он здесь всё равно что император, так что никто не смеет противостоять ему.

Чан Чжисинь и главнокомандующий Цао молча застыли, прожигая друг друга гневными взглядами. Фань Лянь принялся шёпотом увещевать двоюродного брата, с силой давя на его плечо:

— Чжисинь! Чан Чжисинь! Тут тебе не Пинъян, где ты — третий господин семьи Чан! Если главнокомандующий Цао хочет кого-то убить, ему это всё равно что клопа раздавить! Не срались на глазах у всех, просто потерпи!

Стиснув зубы, Чан Чжисинь заключил жену в объятия и сел, крепко прижимая её к груди, словно желая спрятать её от всеобщего поругания. Сам же он гордо выпрямился и устремил яростный взгляд на Шан Сижую.

Тот уставился на него в ответ сияющим решимостью взглядом, и среди множества арий выбрал ещё одну для Чан Чжисиня. Сменив тон, он звонким и сильным голосом пропел:

— Кожа барабана — это кожа, что на твоём брэнном теле, эта барабанная палочка — твои нижние рёбра, что под локтем, эти отверстия под заклёпки — твоего сердца поры, эта колотушка — клыки, что торчат у тебя изо рта! Этот барабан пробыёт тебя, негодяя, насквозь, вовек не расплатишься ты за свои злодеяния! Однако начнём же отсчёт с самого начала — прочисти уши и внимай! [13]

[13] Ария из пьесы «История о безумном барабанщике из Юйяна: третья песня» □□□□□□ (Kuáng gǔ shǐ yú yáng sān nòng).

Подробнее см. в примечаниях в конце главы.

Главнокомандующий Цао будто воочию вернулся в тот год в Пинъяне, когда Шан Сижуй стоял на настенной башне, исполненный безумной страсти. Даже солдаты по всему городу малодушно дрожали под пулями, а Шан Сижуй как ни в чём не бывало стоял под шквальным огнём [14] и невозмутимо пел. Эта Юй Цзи определённо превзошла своего Сян Юя по величию [15].

— Bravo! — во весь голос крикнул главнокомандующий.

Адъютант и обступившие гостей солдаты мигом подхватили его крик, так что остальным ничего не оставалось, кроме как также кричать «браво», хотя они не могли взять в толк, что в этом такого хорошего [16] — в этом представлении они были самыми озадаченными и перепуганными действующими лицами. Поневоле поддерживавшая Шан Сижую публика будто бы безжалостно глумилась над молодыми супругами. Цзян Мэнпин заплакала навзрыд, а Чан Чжисинь стиснул её плечо с жутким выражением лица.

[14] Под шквальным огнём — в оригинале чэньюй 千枪万箭 (qiāngǎn wàn jiàn) — в пер. с кит. «лес ружей и ливень пуль», обр. в знач. «ожесточённый бой; ураганный огонь».

[15] Юй Цзи определённо превзошла своего Сян Юя по величию — Юй Цзи — героиня пьесы «Прощай, моя наложница», возлюбленная наложница генерала Сян Юя, помимо искусного исполнения песен и танцев, также мастерски владела мечом. После поражения Сян Юя она пожертвовала ради него жизнью. Подробнее см. ссылку 21 к 1 главе.

[16] Что в этом такого хорошего — тут присутствует игра слов: на китайском «Браво» — 好 (hǎo), что в буквальном переводе означает «хорошо».

Чэн Фэнтай глядел на Шан Сижую с неприкрытым раздражением: он воистину не знал, злиться ему или смеяться сквозь слёзы. Про себя он размышлял, как же назвать весь этот беспредел...

А Чэн Мэйсинь, искоса взглянув на брата, холодно усмехнулась: «А что я тебе говорила? Шан Сижуй — самый что ни на есть настоящий безумец».

Примечания переводчика:

[9] Гневный ваджра у входа в храм — в оригинале чэньюй 金刚怒目 (jīngāng nǔmù) — в пер. с кит. «[как алмазы] сверкающие гневом глаза», обр. в знач. «злое (сердитое) выражение лица; яростный (гневный, страшный) вид».

В этом выражении ваджра (санскр. Vajradhāra) 金刚 (jīngāng), или 金刚力士 (jīngāng lìshì) — силачи (богатыри) ваджры; два божества устрашающего вида (金刚王 и 金刚母), защитники буддийской веры; их статуи охраняют вход в буддийских храмах, а изображения помещают на воротах.

[10] Слова из пьесы «О том, как Чжао Паньэр, играя в любовь, спасает падшую» 赵盼儿风月救风尘 (Zhào pàn'ér fēngyuè jiù fēngchén), написанной Гуань Ханьцином (1234-1300), одним из четырёх

великих юаньских драматургов в жанре цзацзюй. По сюжету пьесы певичка Сун Иньчжан поддаётся на обман богатого барчука Чжоу Шэ, выйдя за него замуж. После свадьбы Чжоу Шэ жестоко избивает жену, и она вынуждена обратиться к подруге Чжао Паньэр. Та ловко обманывает Чжоу Шэ, заставляя его дать жене развод. Шан Сижуй здесь исполняет партию Чжао Паньэр.

[12] «Скакун возле ограды» 鞑靼 (qiáng tóu mǎ shàng), «На к другие названия — «На скакуне возле ограды», «Всадник у стены» — комическая пьеса Бо Пу (1226-1306), одного из четырёх великих юаньских драматургов в жанре цзацзюй, в которой рассматривается вопрос о свободе молодёжи в выборе спутника жизни.

Название оперы — в букв. пер. с кит. «на коне взять гребень стены», является идиомой, означающей любовь между мужчиной и женщиной, происходит из стиха поэта эпохи Тан Бо Цзюйи (772-846) «Со дна колодца достаю серебряный кувшин», сюжет которого лёг в основу пьесы.

В пьесе говорится о том, как девушка Ли Цяньцзинь, гуляя весной у стены сада, встретила проезжающего верхом юношу Пэй Шаоцзюня, молодые люди влюбились друг в друга и Ли Цяньцзинь решила сбежать с Пэй Шаоцзюнем и семь лет скрывалась у него на заднем дворе, родив ему двух детей. Наконец её обнаружил отец юноши и возлюбленным пришлось расстаться, а Ли Цяньцзинь удалилась в монастырь. После того, как Пэй Шаоцзюнь сдал экзамены, его родители сменили гнев на милость и им вновь удалось воссоединиться.

В этой опере Шан Сижуй играет в амплу лаошэна — пожилого мужчины, отца Ли Цяньцзинь.

[13] Ария из пьесы «История о безумном барабанщике из Юйяна: третья песня» 狂歌 (Kuáng gē shǐ yú yáng sǎn nòng).

Автор пьесы — писатель, художник-каллиграф и драматург династии Мин Сюй Вэй (1521-1593). После ряда неудачных попыток сдать государственные экзамены он поступил в армию под началом генерала Ху Цзусяня. Когда генерала сняли с должности, Сюй Вэй сошёл с ума, пытался покончить с собой, в конце концов убил свою жену и был заключён в тюрьму, после выхода из которой до конца жизни страдал от нищеты и депрессии. Его драма в стихах «Четыре крика гиббона» 四哭 (sì shēng yuán) основана на его четырёх пьесах: «История о безумном барабанщике из Юйяна», «Сон мастера дзэн о стране из зелёного нефрита», «Героиня Мулань идёт на войну, чтобы занять место своего отца» (самое известное литературное переложение легенды о Хуа Мулань, которое легло в основу дальнейших произведений на эту тему), «Студентка-отличница отказывается от самки птицы феникс и приобретает самца птицы феникс».

В основу пьесы «История о безумном барабанщике из Юйяна» положена история из 23 главы «Троецарствия» о том, как талантливый учёный Ми Хэн (173-198 гг.), отбыв срок в преисподней и готовился взойти на небеса, чтобы занять новый пост. Перед этим судья велит ему воспроизвести его встречу с Цао Цао (155-220 гг.), канцлером династии Восточная Хань, позднее ставшим во главе государства Вэй, который также находится в преисподней. Ми Хэн рассказывает, как он не хотел служить Цао и вёл себя неуважительно по отношению к нему, за что Цао, стремясь его унижить, назначил его старшим барабанщиком при императорском

дворе. Сняв с себя поношенную одежду, Ми разделся донага и сыграл на барабане мелодию жалобной песни, вызвав слёзы на глазах у гостей. Ми воспроизводит эту сцену и бранит Цао, перечисляя все его предательские поступки.

Информация с сайта: <https://www.wdl.org/ru/item/recent/2013/12/?page=28>

<http://bllate.org/book/17750/1660364>